

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

**Науковий вісник
Ізмаїльського державного
гуманітарного університету**

Спецвипуск

18

Ізмаїл – 2005

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

Науковий вісник

Ізмаїльського державного
гуманітарного університету

Збірник наукових праць

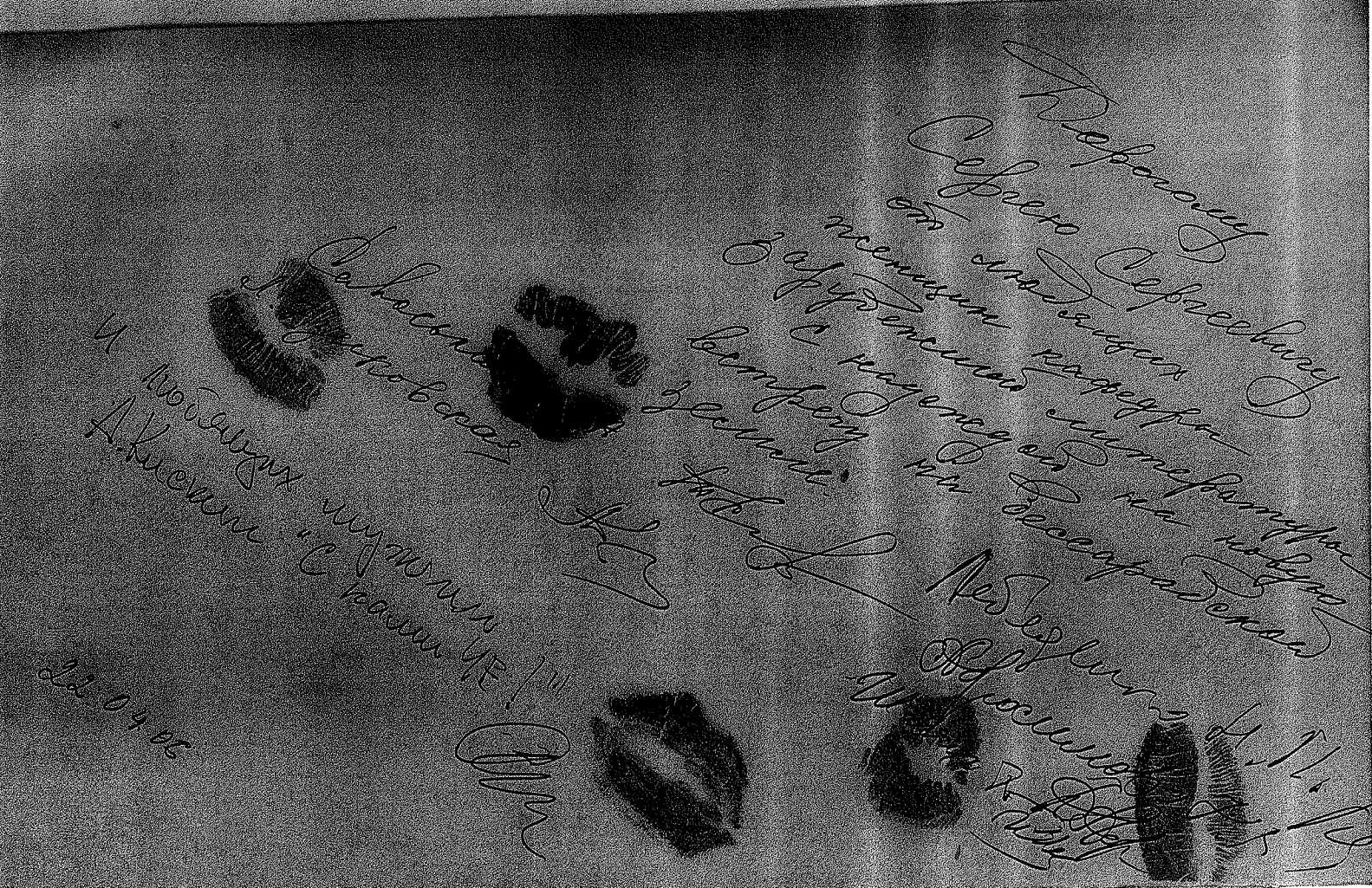
Спецвипуск

18

Ізмаїл - 2005

005 1000 1000 1000

- М., 2001.
13. Зининковский В. Я. Николай Гоголь. Тайны национальной души. – К., 1994.
 14. Сняжковский А. Д. Чтение в сердцах // Новый мир. – 1992. – № 4.
 15. Сухов В. Ю. Прав судьбы закон // Слово. – 1991. – № 6.
 16. Виропянен М. Н. Культурный герой нового времени // Легенды и мифы о Пушкине: Сб. статей / Под ред. к. ф. н. М. Н. Виропянен. – СПб., 1995.
 17. Варт М. Литературокаратя. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. – М., 2000.
 18. Жолковский А. К. Графоманство как прием (Лебякин, Хлебников, Лимонов и другие) // Выхажущие сыны и другие работы. – М., 1994.
 19. Орлицкий Ю. Б. Пушкин с нами? // Новое лит. обозрение – 1999. – № 3.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

С. С. Давыдов

(доктор филологических наук, профессор, Миддлбери Колледж, Вермонт, США)

У статті досліджується, як "роман" Пушкіна з графінєю Єлизаю Воронічовою нерозривно пов'язаний з літературною сюжетом.

The article traces the refractions of Pushkin's "affair" with the Countess Elizaveta Voronichovna in his literary plots.

Вся жизнь, одна-ли, две-ли ночи?
«Разговор книгопродавца с поэтом»

Иногда с оторченным говорит, что литературоведение, увы, неточная наука, а по-моему, это даже к лучшему. Была бы она точной, как «кучно было бы на-этом свете, господи». От первых биографов Пушкина середины XIX века, Павла Анненкова и Петра Баргенева, до сего времени ученые не перестают спорить о том, что именно следует считать «фактом» биографии поэта, и какую роль при включении этих так называемых фактов в жизнеописание должна играть интерпретация? На протяжении десятилетий суровый эмпирик Баргев и сдержанный толкователь Анненков имели каждый своих явных и скрытых сторонников. Все, кто брался писать биографию поэта, концептуально тяготели к одному из этих полюсов, либо к левому, либо к правому. Так, повествованию, обладающему собственным психологическим сюжетом. Так, Томашевский и Вересаев, утверждая, что при переходе от летописи к биографии неизбежно возникает «мифологический» и «фабульный» элемент, который следует вынести за пределы серьезной науки, выступали как истинные «баргевцы». Если восполняться строгими терминами самой Томашевского, допустима лишь та «биографическая легенда», которую *возможно выделить* сам поэт, создавая собственный образ в своем искусстве. Все остальное по определению оказывается «вне игры».

Но методика Томашевского применима лишь в тех случаях, когда Пушкин сам сознательно создает миф, например, миф о "погашенной любви" в ранних стихах, любви, которой в реальности не существовало, но такой метод неприемлем в тех случаях, когда Пушкин сам сознательно скрывает факты, имевшие место в реальной жизни. Трудность в предлагаемом Томашевским подходе состоит в том, что Пушкин - это всегда сплав жизни и творчества, факта и легенды, текста и интерпретации. Ю. Лотман в письме В. Егорову (1986) объяснял, что в своей биографии Пушкина «хотел показать, что, как мифологический царь Мидас к чему ни прикасался, все обращал в золото, так и Пушкин все, к чему ни касался, превращал в творчество, в искусство» (В этом и трагедия – Мидас умер от голода, пища становилась золотом)» (1, 338). Не состоит ли задача исследователей в том, как превратить золотого обратно в пищу?

Пушкин растворялся в мифах, порожденных как собственным творчеством, так и творчеством толкователей его наследия. В биографии Пушкина мы находим сюжетом, легко узнаваемым в его произведениях, но есть и такие сюжеты, для выявления которых требуется большая интуиция. Вель Пушкин не только сознательно выдвигал одну сторону своей биографии, но и заслонял другую.

Поэты-пушкинисты, такие как Владимир Ходасевич и Анна Ахматова, в силу своей причастности к тайне "зарождения творчества", проникли, по-моему, более чутко, чем пушкинисты-непоэты, в то алхимическое взаимодействие, когда жизнь преодолелась в искусстве, а искусство в жизнь, особенно когда это происходило не по прямой, а "презюмционно", как бы рикошетом. Вот что Ходасевич пишет о "зарождении творчества".

«До известной степени оно все же становится нам доступным в тех случаях, когда мы открываем точку или ряд точек, одновременно лежащих и в плоскости творчества, и в плоскости жизни. Иными словами, — когда мы можем проследить линию пересечения этих плоскостей. Именно этому прослеживанию первоначального творческого процесса, наблюдению над тем, как действительность становится искусством, как переживание человека преодолелось в творчестве художника, служит изучение писательской биографии» (2). Ходасевич, например, попытается показать, каким образом конфликт Пушкина с отцом в Михайловском в 1824 г. отразился в "Скупом рыцаре", или как увлечение Пушкина крепостной Ольгой, Кашинниковой, которую он имел неосторожность "оброхотить", преодолелось в сюжете "Русалки", в романе князя с дочерью мельника, их отношения с отцом, появление Русалочки и заробочную месь (3).

«Никак не мыслимо допустить, чтобы Пушкин мог годами работать над "Русалкой" — единственно ради того, чтобы получить написать то же, что Краснополюнский (автор "Днепровской русалки" — С. Д.) уже написал похуже» (3, 306).

А. Ахматова проделала похуже, но более тонкую работу над автобиографическими мотивами "Каменного гостя".

«... За внешне замкнутыми именами и положенными мь, в сущности, имеем не просто новое обрамление мировой легенды о Дон Жуане, а глубоко личное, самобытное произведение Пушкина, основная черта которого определяется не сюжетом легенды, а собственными личными переживаниями Пушкина, неразрывно связанными с его жизненным опытом».

Перед нами — драматическое воплощение внутренней личности Пушкина, художественное обнаружение того, что мучило и увлекло поэта. <...> Итак, в трагедии "Каменный гость" Пушкин карает самого себя - Молодого, беспечного, и грешного, а тема заробочной ревности (т.е. боязни ее) звучит так же громко, как и тема возмездия» (4, 273).

На протяжении десятилетий среди пушкинистов было не принято касаться интимной жизни поэта и раскрывать о биографической достоверности или недостоверности сведений о его отношениях с женщинами, воплещими в знаменитый "дон-жуанский список". Этот интерес казался неподобающим, тогда как на самом деле важны лишь факты. Давайте отграничимся "фактами", — такова была логика этих рассуждений, — а все остальное нас не касается.

Разрешите привести один такой факт. В так называемой "Второй кипишевской тетради" мы находим черновик любовного письма, адресованного "неизвестной" женщине. Исходя из порядка страниц и тетради, принято датировать это письмо, июнем-июлем 1823 г. Вот текст этого черновика:

*Ce n'est pas pour vous braver que vous êtes, mais j'ai eu la faiblesse de vous montrer
inpassion ridicule ete vax m'en expliquer franchement. N'oubliez rien, se serai indigne de vous
- la coquette se voit en votre fivole et s'invou bien inutile - votre colere ne puy servir pas plus
- en quodrin-je vous offense-je vous aime avec tant d'elan de tendresse, s'rien de pruvante - votre
orgueil meme ne peut en etre blasse.*

*Suffisants des esperances, cela ne serai pas la velle de votre depart que j'aurais attendu me
declarer. N'oubliez pas mon amon qu'a une exaltation donne n'eais plus le maitre, qui allait jusqu'a la*

Il n'est pas de demande rien, je ne sais moi-même se que veux - serendipité vous (5, 65-66).

Не из дерзости пишу вам, но я имел слабость признаться вам в смешной страсти и хочу обьяснить ее окруженно. Не притворяйтесь, это было бы недостойно вас — какимто было бы жестокостью, легкомысленной и, главное, совершенно бесполезной. — впрочем зневу я поверил бы также не более — чем же могу я вас оскорбить; я вас люблю с тяжким порывом нежности, с такой скромностью — даже ваша гордость не может быть задета. Будь у меня какие-либо надежды, я не стал бы ждоть кануна вашего отъезда, чтобы открыть свои чувства. Притишите мое признание лишь восторженному состоянию, с которым я не мог более совладеть, которое дошло до изнеможения. Я не прошу ни о чем, я сам не знаю, чего хочу, — тем не менее я вас...

На этом месте рукопись обрывается.
Нет сомнения, что перед нами реальное любовное письмо, но исследователи не могли предположить, какой "неизвестной" Пушкин мог писать в 1823 г. в подобном духе. Сравнительно недавно Сергей Фомигев установил, что черновик этого письма следует датировать не 1823 годом, а июнем 1824 года. Обязывается это следующему образцу: Пушкин продолжал пользоваться "Второй кишиневской тетрадью" и в 1824 г., когда уже жил в Одессе, причем пустые страницы, оставшиеся в тетради, Пушкин заполнял вверх-ногами и в обратном порядке (6). Таким образом, благодаря новой датировке (июнь 1824) любовное письмо к "неизвестной" нашло своего адресата — Елизавету Каварьявну Воронцову, приемлет этот французский черновик является единственным "несовершенным" письмом, свидетельствующим о любви Пушкина к Элизе.

Новая датировка черновика совпадает с датой отъезда Воронцовых и их гостей на яхте из Одессы в Крым (14 июня). Пушкин, не подозревавший еще о предстоящей ему ссылке на север, был исключен из списка приглашенных и должен был остаться в Одессе. Можно предположить, что накануне отъезда Воронцовых в Крым он передал Элизе это письмо ("Будь у меня какие-либо надежды, я не стал бы ждоть кануна вашего отъезда, чтобы открыть свои чувства"). Узнав уже в Крыму, что Пушкина отправляют в ссылку и что муж не может или не хочет это предпринять, Элиза неожиданно покидает крымскую компанию и возвращается в Одессу, куда она прибыла 24 июля, т. е. за неделю до высылки Пушкина в отповское имение.

Вера Вяземская писала из Одессы мужу (25 июля), что она и Элиза были "постоянно вместе" и выглядели с Пушкиным "каждый день". Именно в эти дни (24 июля - 1 августа) Элиза подарила Пушкину свой портрет в золотом медальоне и перстень-галликан. Анненков считал, что "явноблженные обменялись кольцами, точно обручились" (7, 422), а Т. Цыadlovsкая пошла еще дальше, утверждая, что между ними произошло интимное обихажение (8, 297-378). Г. П. Макогоненко, не допуская, что у Пушкина могла быть интимная связь с Воронцовой, и обьяснял это тем, что отношения Пушкина с графом и даже с графиней были слишком натянутыми.

Из всего сказанного, - заключает Макогоненко, - ясно, что П. был в известной мере увлечен Воронцовою, участвовал в той светской любовной игре, которую любилла кокетливая, желавшая нравиться многим графиня. Видимо, этим и можно обьяснить включение имени "Элизы" в шуточный список, позже претенциозно названный "донжуанским" (9, 66).

Пушкин нам, конечно, не оставил доказательств, вроде "Сегодня я с божьей помощью помел ЕКУ", которое бы удовлетворило Макогоненко, но мы имеем достаточно косвенных улик, которых нам достаточно и которых мастераки воспользовались Цыadlovsкая. Путем вынаительного анализа, тщательной датировки и чуткого проникновения в психофизику поэта, она пришла к убеждению, что именно интимное отношение именно место. Итак, что здесь легенда, а что факт?

Начнем с того, о чем Вера Вяземская писала мужу (1 августа) сразу после отбытия Пушкина из Одессы:
Я была единственной поверенной его озорущий и свидетелем его слабости ... он был в

отчаянии от того, что покидает Одессу, в особеннности из-за некоего чувства, которое разрослось в нем за последние дни, как это бывает. Не говори ничего об этом, при свидании мы потолкуем об этом менее туманно, есть основания пружатить этот разговор. Могли, хотя это очень чуждо, да и серьезно только с его стороны. (Подлинник по-французски) (10). Целомудренно или непеломудренно — здесь Макогоненко и Цыadlovsкая расходятся во мнениях — но нет сомнения, что после высылки из Одессы, в первую Михайловскую осень никто не занимал мысли Пушкина более Елизаветы Воронцовой. Иван Пущин вспоминал после своего визита в Михайловское, что Пушкин "принимал участие в Одессе козням графа Воронцова из ревности ..." (8, 321) Имя Элизы чаще всего встречается под разными рубриками "Летописи" Цыadlovsкого именно в этом году, а сестра Ольга, проводившая осень 1824 в Михайловском, рассказывала Баргелену, что, когда приходило из Одессы письмо с печатью, изурожденною точно какими же кабанскими знаками, какие находились и на перстне ее брата - последний замираясь в своей комнате, никогда не выходил и никого не принимал (11, 435).

Письма Элизы Пушкин считал *(она велика)*, но до конца дней он не снимал с руки перстень-галликан с вырезанной еврейской надписью (Пушкин считал, что она арабская), ехал с ним на последнее дуэль, и Жуковский снял его с руки мертвого Пушкина (От Жуковского перстень перешел к его сыну, а от сына к И. С. Турневу, который его завещал Л. Н. Толстому, но Полина Вязрдо передала его в 1887 г. в музей Александровского лицея, откуда его в марте 1917 г. украли (12, 68-70).

Много раз за эти месяцы Пушкин рискует портреты Элизы, тревожно гадая, чем занята она теперь, когда его нет рядом. Он посвящает этой любви стихотворение за стихотворением (в Одессе 1824: "Прозерпина", "Кораблино", "Приют любви, он вечно полон"; в Михайловском 1824: "Ненастный день потух", "Гуская увенчанной любовью красотою"; 1825: "Сожженное письмо", "Желание славы", "Храни меня, мой талисман", "Все в жертву памяти твоей", первые строфы четвертой главы "Евгения Онегина"). Все эти тексты имеют в качестве фона роман с Элизой. В Михайловском к чувству любви примешивается чувство ревности и горечь от предательства друга, А. Рязвского, (см. стихотворение "Коварность"). Любовь и измена стали для Пушкина осенью 1824 г. основными эмоциональными итогом одесских отношений.

Что в точности произошло между Пушкиным и Элизой мы, конечно, никогда не узнаем, однако нам достоверно известно, что через 8 с небольшим месяцев после высылки Пушкина из Одессы Элиза родила девочку (3-го апреля 1825 г.) (13, 276) Цыadlovsкая предполагает, что Пушкин мог узнать еще осенью 1824 г. от самой Элизы (из одного из "сожженных писем"), что она беременна, и мог думать, что это его ребенок (14). Ребенок родился смуглым, а смуглость была не свойственна семье Воронцовых. Но ее можно также обьяснить "греческой" кровью А. Рязвского, любовника Элизы, с которым она находилась в Крыму ровно десять месяцев до рождения Софьи.

Итак, была ли Софья дочерью Пушкина или нет, не столь важно, а важно то, что в ряду законченных и незавершенных произведений той осени и зимы, появляется тема "новорожденного ребенка". Например, в не впечатанном при жизни поэта стихотворении "Младенцу" (2-8 окт. 1824) лирический герой не решается дать ребенку свое родительское благословение:

*Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья.
Ты взором, мирною душой,
Небесный ангел утешенья.
Да будит ясны дни твои,
Как милый взор твой ныне ясен.
Меж лучших жребиев земли
Да будет жребий твой пружасен (15, 351).*
В черновом автографе этому восьмистишию предшествовали строки, которые без

контекста "Утаенной любви" и "незаконнорожденного ребенка" остались бы непонятны:

Прощай, прелестное дитя,

жизнь шурит

Моей тиниственной любви

Я не скажу тебе причины

И клевета неверно ей

Чертами <?> опишет

В <ыть> м. <ожет>, о судьбе моей

Она со временем уселити (16, 883-884).

Вспомини также монолог Алеко над льняной новорожденного младенца, досочиненный Пушкиным в январе 1825, т. е. через три месяца после окончания "Пяган", который Пушкин решил не включать в окончательный вариант поэмы.

Внеда, стаба, Зенфира дремлет—

Алеко с радостью в очах

Младенца держит на руках

И крику жизни жадно внемлет.

"Прими привет сердечный мой,

Дитя любви, дитя природы,

И с даром жизни дорогой

Неоцененный дар свободы! (17, 444-445)

Без гипотетического "Младенца" (Элиза к январю месяцу была на шестом месяце беременности) эти строки остались бы внешне неотгивированными.

Затем это *дитя любви, дитя природы* появляется в "Арапе Петра Великого", работа над которым начнется через два года, но мысль о котором, судя по стихотворению "Как задумал жениться царский арап" (ноябрь 29), уже занимала Пушкина в первую Михайловскую осень (Пушкин начнет работать над Арапом Петра Великого в Михайловском в июле 1827 г., во время теперь уже вполне добровольного приезда Михайловское графичит с селом Петровское, поместьем Ганнибалов). В "Арапе" бегаз графиня Д. рождает мужу черного ребенка от Ибрагима. Заметим, что ничего такого не было в немецкой биографии Ибрагима Ганнибала, единственном письменном источнике, которым пользовался Пушкин. Зато в "Начале новой автобиографии" (1834) Пушкин упоминает следующую эпизод про своего черного предка:

Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и пристудил ее постричься в Тавиинском монастыре... (18, 313)

На самом же деле все было гораздо жестче: африканец не на шутку ослеп, заточил жену в подвал и там "соорудил частую камеру пыток с льбой, тисками, бичами и т.п.", затем ее посадили на 5 лет в тюрьму за супружескую измену, и наконец отправили в монастырь (19, 37).

Гипотеза Цивановской о том, что Пушкин думал, что он отец Софьи Воронцовой, мне кажется вполне убедительной и, не желая "с волей выписывать и ребенка", я легко согласалась с главным ее выводом, что "для нас значення не имеет, кто был отцом Софьи Воронцовой — нам важна психология Пушкина" (8, 376-377). Важно появление самой темы отцовства и темы незаконнорожденного ребенка, которые из биографии перекочевали в творчество: в стихотворение "Младенцу", в монолог Алеко над колыбелью, в рассказ про черного прадеда, в "Русалку".

«То, что некогда пережил он сам, — писал Ходасевич, — Пушкин нередко заставлял переживать своих героев, лишь в условиях и формах, измененных соответственно требованиям сюжета и обстановки. Он любил эту связь жизни с творчеством и любил для самого себя запрещать ее в виде лукавых намеков, разбросанным по его писаниям. Искусно пряча все нити, ведущие от вымысла к биографической правде, он, однако же, иногда выставлял наружу их едва заметные кончики. Если найти такой кончик и потянуть за него — связь вымысла и действительности протокроется» (20, 493).

Если деликатно, не передепривая, потянуть за такой кончик, такие строки как *Вся жизнь,*

одна-ли, две-ли ночи из "Разговора книгопродавца с поэтом" (26 сент. 1824) (Пушкин считал, что этот стих "Надо выкинуть, да жаль, хорош...") или эпигра "Прощанье" (5 окт. 1830) приобретут свой биографический подтекст. "Прощанье" было написано в Болдине вместе с другими эпиграми, в которых Пушкин, накнув своей помощники с Гончаровой, прощается с любимыми когда-то женщинами (живыми и умершими). "Прощанье" это страстное воспоминание о "незжитой, не до конца долгобленной любви" (21, 425), Пушкин для себя обозначил в 1832 г. монограммой "Е. W." (7, 426).

В последний раз твой образ мыльи

Держал мысленно ласкать,

Бродить мечту сердечной силой

И с негой робкой и унылой

Твою любовь восстоиминать.

Бегути, меняясь, наши лета,

Меняя все, меняя нас,

Уж ты для своего поэта

Могильным сумраком одета,

И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальняя подруга,

Прощанье сердца моего,

Как оебывалась сирота,

Как друг, обьявлял жолча друга

Пред замечением его (22, 233).

Е. W. тоже не забыла своего поэта.

«До конца своей долгой жизни она сохраняла о Пушкине теплое воспоминание и ежедневно читала его сочинения. Когда зрение совсем ей изменило, она приказывала читать их себе вслух и притом подряд, так что, когда кончались все томы, чтение возобновлялось с первого тома» (23, 180).

Итак, чем же "память сердца" не литературный факт?

1. Лотман Ю. М. Пушкин. - СПб., 1995.
2. Ходасевич В. Книги и люди // Возрождение. - Париж, 1933. - №2802. - 2 февраля.
3. Ходасевич В. Поэтическое хозяйство Пушкина (1923-1924) // Ходасевич В. Пушкин и поэты его времени. - Веклюе Slave Srealties, 1999. - Т.1 (Кстати сказать, Ольга Калашникова не утопила, как считал Ходасевич, исходя из текста "Русалки". В реальной жизни все было куда проще: Ольгу отправили в Болдино и выдали замуж за местного прынцу, а младенца Павел умер в возрасте 3 1/2 месяца. Еще в 1830-е годы Ольга обрадалась к Пушкину с денежными просьбами).
4. Ахматова А. А. «Каменный гость» Пушкина // Ахматова А. Сочинения. - Мипль, 1968. - Т.2.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. - М., 1937-1959. - Т. 13.
6. Пушкин А. С. Рабочие тетради. - Т. 3. ПД 832, лист 30. - СПб/London, 1995. См. также комментарий Сергея Фомичева в статье "Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 832 (Из текстологических наблюдений)", Пушкин Исследования и материалы №12, 1986.
7. Таркова-Вильямс А. Жизнь Пушкина. - Париж, 1929. - Т.1.
8. Цивановская Т. Г. "Храни меня, мой талисман" (1974). Утаенная любовь Пушкина /Ред. Исуйтова Р. В. и Девкович Д. Д. - СПб., 1997 (первично: Прометей. - М., 1974. - № 10).
9. Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. - Л., 1974.
10. Этого письма нет в Осташевском архиве князя Вяземских, собранном В. И. Савтовым (1913). Письмо открыла Т. Г. Цивановская в 1957 г. См. также (8, 324).
11. Делопис жизни и творчества /Сост. М. А. Цивановский и Н. П. Тархова. - М., 1999. - Т.1.
12. Февчук Д. П. Великий Пушкин. - Л., 1968.
13. Цивановский М. А. Из записей П. И. Бартенева (О Пушкине и гр. Е. К. Воронцовой) // Известия АН СССР. - Т. 28. - Вип. 3 (см.: 8, 336).

14. Гипотеза Цявловской, что отцом Софьи Воронцовой был Пушкин, впервые была высказана И.А. Новиковым в 1935 г. (см.: 8, 337, сноска 124).
15. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. - М., 1937-1959. - Т.2/1.
16. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. - М., 1937-1959. - Т.2/2.
17. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. - М., 1937-1959. - Т.4.
18. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. - М., 1937-1959. - Т.12.
19. Набоков В.В. Пушкин и Ганнибал. Легенды и мифы о Пушкине. - СПб., 1994 (на информации впервые обнародовал С. Олатович //Русская старина. - М., 1997. - Т.3.
20. Ходасевич В. Прадел и памятники: Собр. соч. /Под ред. В.П.Кочетова. - М., 1997. - Т.3.
21. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. /Ред. В. Томашевский. - М., 1957. - Т.3.
22. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. - М., 1937-1959. - Т.3/1.
23. Баргнев П.И. Русский архив. - 1884. - № 5 (см.: 7, 426).

А.С. ПУШКИН В ЭСТЕТИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ И ВОЛОШИНА

Л.Н.Дзиковская

(кандидат филологических наук, доцент,
Измайловский государственный университет)

У статті розглядається вплив О.С.Пушкіна на літературу і літературні традиції в зв'язку з творчістю М.Волошина, поета срібного віку російської літератури.

The article under consideration focuses on Alexander Pushkin's impact on literature and literary traditions tackling the apparel of M.Voloshin as a poet who belongs to the silver age of Russian literature.

Положение о творчестве М.Волошина как приверженце французской культуры уже став хрестоматийным (см.: 1, 2). Если бы данное утверждение было справедливо, то роль значение поэта, не связанного с традициями и жизнью своей страны, вряд ли представляли бы интерес для современников. Собираясь ехать в 1901 году во Францию, М. Волошин намеревался «познавать всю европейскую культуру в ее первоисточнике и затем, отбросив «европейское» и оставив только человеческое, идти учиться к другим цивилизациям «искренне истинно»... а после того в Россию окончательно и навсегда» (3, 78).

Обращаясь сегодня к творчеству М.Волошина, можно с уверенностью говорить о том, что его истоки следует искать прежде всего в русской культуре, в частности, в литературных влияниях и традициях А.С. Пушкина.

Сохранилось немало свидетельства об огромном интересе М.А.Волошина к лирике Пушкина. Так, в раннем стихотворении «Камни Парижа» (1901) он писал: «Оттенки прозрачны, как пушкинский стих, как краски у Клода Лоррена». В стихотворном портрете М.А.Новицкой (1912) сожалел:

*О, пушкинская легкость! Мне ли -
Поэту поздних лет, девать...*

и относил Пушкина «к числу светлых, гармоничных, счастливых поэтов». В письме А.М. Пешковскому от 4 мая 1910 года поэт писал: «В смысле передачи гораинанского духа мне кажется идеальным вольтый пушкинский перевод « Кто из богов мне возвратил... Стиль Пушкина - вот русский эквивалент стилю Горация» (4, 4).

Определяя гения как того, « кто, явившись последним, одним дыханием обобщает и соединяет в своем «творении» все накопленные тысячелетиями художников материалы - при этом материальном ему служат и души, и формы, и реализации», Волошин считал, что «Пушкин (так же, как Данте, Шекспир, Гете) являет собой мир, который вместе в себя и поглощает тысячи индивидуальностей и работ», представлявших ему. Все свое отношение великому русскому поэту Волошин выразил в знаменитом листике «Коктебелские бер...